

захотел покинуть почву родины, не узнав мотивов, по которым смелый министр осмелился взгромоздить самое ужасное изгнание.

Вследствие этого он обратился к коменданту понтона «La Guerrière», который дал ему следующую справку, *дословно* извлеченную из заметок, приложенных к его делу:

«Лагард, делегат Люксембурга, человек неоспоримой честности, человек очень мирный, образованный, всеми любимый и вследствие этого *очень опасный* для пропаганды».

Я представляю оценке моих сограждан только один этот факт, убежденный, что их совесть сумеет прекрасно рассудить, кто больше заслуживает их сочувствия – палачи или жертвы.

Что же касается вас, братья, позвольте мне сказать вам: я уезжаю, но я не побежден, знайте это! Я уезжаю, но я не прощаюсь с вами.

Нет, братья, я не прощаюсь с вами. Я верю в здравый смысл народа; я верю в святость дела, которому я посвятил все мои умственные способности; я верю в Республику, ибо она, как самый мир, не может погибнуть. Вот почему я говорю вам: до свиданья, и особенно: *единение и благоразумие*.

Да здравствует Республика!

На рейде Бреста, понтон «La Guerrière».

Лагард,

бывший председатель люксембургских делегатов».

Есть ли что красноречивее этих фактов! И не тысячу ли раз были правы, говоря и повторяя, что буржуазная реакция июня – жестокая, кровавая, ужасная, циничная, бесстыдная – была истинной матерью декабрьского переворота! Принцип был один и тот же, императорская жестокость была только подражанием жестокости буржуазной и лишь превосходила ее количеством жертв, сосланных и убитых. Что касается числа убитых, это даже еще и недостоверно, ибо июньская резня, массовые расстрелы безоружных рабочих буржуазными национальными гвардейцами без всякого суда и даже не в самый день победы, а на другой день ее были ужасны. Что же касается числа сосланных, разница весьма значительна. Буржуазные республиканцы арестовали пятнадцать тысяч и выслали четыре тысячи триста сорок восемь рабочих. Декабрьские разбойники, в свою очередь, арестовали около двадцати шести тысяч граждан и выслали почти половину – около тринадцати тысяч.

Очевидно, с 1848 по 1851 год прогресс был, но он выразился лишь в количестве, не в качестве. Относительно же качества, т. е. принципа, следует признать, что поведение разбойников Наполеона III было много прощительнее, чем буржуазных республиканцев 1848 г. Те были разбойниками, наемниками деспота; следовательно, убивая преданных республиканцев, они практиковали свое ремесло. И можно даже сказать, что, высылая половину своих пленников, а не убивая всех сразу, они в некотором роде проявили великодушие. Между тем как буржуазные республиканцы, ссылая без всякого суда и *ввиду общественной безопасности* четыре тысячи триста сорок восемь граждан, попрали свою совесть, оплевали свои собственные принципы и, подновляя и *узаконивая* декабрьский государственный переворот, убили республику.

Да, я говорю это открыто, по чистой совести и смотря прямо в глаза: Морни, Бароши, Персиньи, Флери, Пиетри и все их товарищи по участию в кровавой императорской оргии гораздо менее виновны, чем г. Жюль Фавр, ныне член правительства Национальной Обороны; менее виновны, чем все другие буржуазные республиканцы, которые в Учредительном и Законодательном Собраниях с 1848 по 1851 г. голосовали вместе с ними. Не это ли чувство виновности и преступной солидарности с бонапартистами делает их ныне столь снисходительными и столь великодушными к этим последним?

Есть еще другое обстоятельство, достойное быть отмеченным и обдуманым. За исключением Прудона и г. Луи Блана, почти все историки революции 1848 г. и декабрьского государственного переворота, точно также, как и наиболее крупные писатели буржуазного радикализма – Виктор Гюго, Кине и др., много говорили о преступлении и преступниках декабря, но никогда не удостоили остановиться на преступлении и преступниках июня¹! И, однако, очевидно, что декабрь был не чем иным,

¹ Они не могли назвать «преступлением» подавление июньского восстания и «преступниками» тех, кто предоставил свои услуги для этого кровавого дела, ибо они сами были в числе палачей. Виктор Гюго был «один из шестидесяти представителей, посланных Учредительным Собранием, чтобы подавить восстание и направить атакующую колонну», и 25 июня «он стоял лицом к лицу с повстанцами из одной из соседних с Вогезской площадью улиц» (В. Гюго. Действия и речи со времени изгнания. V. Hugo, Acts et paroles depuis l'exil). Что же касается Кине, он говорит: «В качестве полковника одиннадцатого легиона, стоявшего на страже Собрания, я охранял его. Бонапартисты были душой восстания (sic); я же защищал республику... Может быть, Луи Бонапарт вернулся с триумфом, если бы июньское восстание восторжествовало» (Edgar Quinet, acant l'exil). – Дж. Г.